СТАСЯ ГРЫНИВА

ДВЕРЬ БЕЗ ПРОШЛОГО

ТАЙНЫ ВЕЖЕНСКА

Тайны Веженска

Стася Грынива

Дверь без прошлого

«Автор»
2026

Грынива С.

Дверь без прошлого / С. Грынива — «Автор», 2026 — (Тайны Веженска)

Старая дубовая дверь в историческом Доме Лунёва выглядит слишком хорошо. Реставратор Галина Сафонова просит Лизу Рудневу взглянуть на неё. На следующее утро Лиза находит Сафонову мёртвой у лестницы.Сначала всё похоже на несчастный случай. Но Лиза работает с историческими интерьерами и умеет отличать следы времени от следов чужого вмешательства. В этом доме слишком многое выглядит не так, как должно. И прежде всего — та самая дверь.У Веженска есть для Лизы и другая незаконченная история.Много лет назад здесь бесследно исчезла девочка — Алиса, младшая сестра её детского друга. Лиза была рядом в те дни, но помнит их обрывками. Вскоре после исчезновения девочки мать увезла Лизу из Веженска — и больше они сюда не возвращались.Теперь Лиза приехала впервые за двадцать семь лет.И мать снова хочет только одного: чтобы она поскорее уехала.

© Грынива С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращение 5
Глава 2. Документ против двора 11
Глава 3. Лизка? 15
Глава 4. Сафонова и Дом Лунёва 19
Глава 5. Утро 24
Глава 6. Несчастный случай? 27
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Стася Грынива
Дверь без прошлого

Глава 1. Возвращение

Навигатор сообщил, что Лиза приехала, метров за сорок до нужного дома.

Первым она узнала забор — низкий, деревянный, теперь выкрашенный в тёмно-зелёный. За рейками торчали разросшиеся ветви сирени, а уже потом показался дом: светлый фасад с шестью окнами, высокий кирпичный цоколь и крыша, которая в детстве казалась куда круче.

Лиза проехала мимо калитки, сдала назад и поставила машину ближе к обочине, чтобы не перекрывать соседям выезд.

Заглушила двигатель.

После нескольких часов трассы здешняя тишина казалась непривычной. Постепенно из неё проступили отдельные звуки: воробьи в кустах, далёкая газонокосилка, металлический стук где-то за домами.

На телефоне было 15:47.

Лиза осталась сидеть, положив руки на руль.

На заднем сиденье лежали две сумки и ноутбук. В багажнике — рабочая одежда, инструменты, лазерный дальномер, складная стремянка и несколько коробок, собранных ночью перед отъездом. На одной чёрным маркером было написано: «ДОМ».

Она тогда даже не заметила, как подписала её именно так.

В феврале умерла Вера Андреевна — младшая сестра Лизиной бабушки — и оставила ей этот дом по завещанию. План на ближайшие недели был простым: разобраться с документами, оценить состояние дома, перебрать Верины вещи, вызвать оценщика и найти риелтора. Если всё пойдёт без сюрпризов, трёх недель хватит. В крайнем случае — месяца.

Лиза забрала связку ключей и вышла из машины.

Воздух оказался прохладнее, чем она ожидала. Пахло влажной травой и дымом — кто-то топил баню или жёг садовый мусор. Сам Кузнечный переулок выглядел совершенно обыкновенно: деревянные дома вперемешку с кирпичными, машины под навесами, пластиковые водостоки, спутниковые тарелки. У соседнего забора валялись два детских велосипеда.

Лиза открыла калитку и пошла к крыльцу.

Дорожка была выложена квадратными бетонными плитками; две у самого входа заметно просели. Справа росла старая яблоня. Она оказалась гораздо ближе к дому, чем Лиза помнила, и от этого весь сад словно уменьшился.

На связке нашёлся ключ с бумажной биркой «ВХОД». Почерк был не Верин — скорее нотариуса или женщины, которая присматривала за домом после её смерти.

Ключ вошёл туго. Лиза слегка потянула дверь на себя, провернула ещё раз, и замок наконец щёлкнул.

— Вот так.

Она сказала это вслух и усмехнулась самой себе.

Дверь тёрлась нижним краем о половицу, поэтому пришлось нажать плечом. Из дома пахнуло прохладой, старым деревом и пылью. Где-то в этом запахе было что-то аптечное — и ещё что-то знакомое. Лиза не стала пытаться определить.

Она переступила порог и машинально нашла рукой выключатель.

Свет загорелся.

В прихожей стояла низкая тумба, которой она не помнила. Над ней висело зеркало в узкой деревянной раме, на одном из крючков — бежевая ветровка.

Лиза коснулась пальцами края кармана и тут же убрала руку.

Трогать Верины карманы в первые пять минут показалось почему-то хуже, чем разбирать их через неделю.

Она поставила сумку у стены, открыла на телефоне заметки и написала: электричество — есть. Следом добавила воду, газ, отопление, крышу, окна и проводку.

В гостиной обнаружились новые розетки, проведённые по старым стенам в белых кабель-каналах. В маленькой комнате когда-то переклеивали обои и делали это, не снимая наличников. В спальне вместо прежних окон стояли пластиковые под дерево.

Лиза провела пальцем по стыку откоса, оценила качество установки и только потом поймала себя на этом жесте.

Она приехала не на объект.

Хотя мозг, похоже, ещё не перестроился.

На кухне кран сначала закашлялся ржавой водой, потом появилась чистая струя. Газовый вентиль был перекрыт. Холодильник отключён, вымыт и оставлен приоткрытым.

На столе стояла пустая сахарница, рядом — небольшая стеклянная банка с резинками, скрепками и двумя батарейками.

Лиза взяла её в руку, посмотрела и поставила обратно.

Прошло почти семь месяцев после смерти Веры, а здесь всё ещё лежали вещи, которые были нужны кому-то в совершенно обычной жизни. Не фотографии, не письма, не семейные реликвии — две батарейки и несколько скрепок.

Лиза подошла к окну.

Сад зарос, но не выглядел заброшенным. Трава доходила до щиколотки. Вдоль забора разрослась сирень, старая яблоня наклонилась к дорожке, и тяжёлую ветвь кто-то предусмотрительно подпёр доской. В глубине участка виднелись крыши хозяйственных построек.

Всплыло ощущение горячей доски под босой ногой, сухой травы, прилипшей к пятке, и чей-то голос из сада.

Лиза не успела понять чей. Воспоминание ушло раньше, чем она за него зацепилась.

Она открыла окно шире. Фурнитура работала хорошо.

Вернувшись к столу, Лиза дополнила список: электрик, сантехник, чердак, цоколь, оценщик, риелтор. Отдельной строкой — документы Веры.

С ними можно было разобраться завтра. На сегодня хватало того, что дом не разваливался и не требовал немедленно спасать его от протечки, газа или короткого замыкания.

Возраст дома Веру, судя по всему, не особенно ограничивал. Если из окна дуло — его меняли. Не хватало розеток — проводили новые. Часть работ сделали аккуратно, часть попроще, но дом явно приспосабливали к жизни, а не сохраняли ради правильного вида.

Лизе это понравилось.

Она пошла к машине за оставшимися вещами. Когда возвращалась с коробкой документов, зазвонил телефон.

Мама.

Лиза поставила коробку на ступеньку и ответила.

— Да.

— Ты где?

— Уже в доме. Приехала примерно час назад.

— Разгружалась. Тут всё нормально: электричество есть, вода тоже. Газ пока не включала.

— И не включай, пока не проверишь тягу, — сказала мать. — Вера прошлой осенью кого-то вызывала, но я не помню, что именно он делал.

— Если номер остался, пришли мне. И сантехника тоже, если найдёшь.

— Посмотрю. Ты там сегодня ночевать собираешься?

— Собираюсь. А где ещё?

— Можно было хотя бы на первую ночь взять гостиницу. Дом долго стоял закрытый.

— Семь месяцев, мам. Здесь воду перекрывали, холодильник вымыли, электричество работает. Пока ничего страшнее шаткого стула я не нашла.

— Я не про стул.

— Тогда про что?

В трубке на секунду стало тихо.

— Ни про что. Просто спросила.

Лиза прошла на кухню и села. Стул действительно качнулся под ней.

— Я сюда не переехала, если ты об этом.

— Я такого не говорила.

— Зато за последнюю неделю несколько раз напомнила, что дом надо продать.

— Потому что его и надо продать. У тебя и без этого хватает дел. Ты только развелась, работаешь, живёшь в Москве. Зачем растягивать ещё и дом на месяцы?

— Я и не собираюсь. Мне самой удобнее закончить всё за несколько недель.

— Вот и закончи.

— Тогда почему ты так нервничаешь из-за самого Веженска?

— Я не нервничаю.

— Мам.

— Лиза.

— Что?

— Не начинай искать смысл там, где его нет. Ты приехала с домом разобраться — разберись спокойно и возвращайся.

Лиза покрутила на пальце тонкое кольцо.

— Я пока ничего искать не собиралась.

— Тогда и не надо.

Несколько секунд обе молчали. Потом мать спросила уже обычным голосом:

— Ты хоть ела после дороги?

— Пока только кофе пила.

— Поешь нормально. Не кофе с бутербродом.

Лиза посмотрела на пакет из придорожного магазина, лежавший на столе.

— Сегодня уже обойдусь тем, что есть. Завтра куплю нормальную еду.

— И перед сном написать?

— Мне тридцать девять.

— Я знаю.

— Иногда не похоже.

— А иногда очень даже похоже.

Лиза улыбнулась.

— Найди, пожалуйста, сантехника.

— Найду.

Они попрощались.

Лиза убрала телефон, открыла заметки и поставила рядом со словом «риелтор» срок: до понедельника.

Так было проще. Найти человека, оценить дом, подписать договор и вернуться в Москву.

К шести она перенесла вещи из машины, нашла в шкафу чистое постельное бельё и разобрала то, что понадобится на ближайшие дни. Коробку с документами поставила отдельно, чтобы утром не искать её среди одежды и инструментов.

Кухонный стул действительно шатался.

Сначала Лиза хотела записать его в список ремонта, но передумала.

Три недели он как-нибудь переживёт.

На ужин действительно были хлеб, сыр и уже холодный кофе. Лиза ела у кухонного окна и смотрела, как сад постепенно темнеет. Хозяйственные постройки в глубине почти исчезли, зато яблоня перед домом превратилась в тёмный силуэт на ещё светлом небе.

Она достала бумажный блокнот, который обычно возила на объекты, и на первой странице написала:

Веженск. 3 сентября.

Ниже:

Три недели.

С улицы хлопнула калитка.

Лиза подняла голову. Она никого не ждала.

Во дворе послышались шаги, но человек к крыльцу не поднялся. Лиза вышла в прихожую и открыла дверь.

Перед домом стоял мужчина с тонкой папкой в руке. Высокий, в тёмной куртке поверх светлой рубашки. В тёмных волосах у висков была заметна седина. Он остановился в нескольких шагах от крыльца и ждал.

— Добрый вечер. Елизавета Сергеевна?

— Да.

— Максим Андреевич Воронцов. Я представляю собственника соседнего участка.

Фамилия ей ничего не сказала.

Лиза спустилась на одну ступеньку.

— Что случилось?

— Нужно обсудить старый проезд через ваш участок.

— Сегодня?

Максим взглянул на часы.

— Если вам неудобно, я оставлю документы и приду завтра.

Лиза посмотрела на папку.

— Какой проезд?

Максим открыл её и достал несколько листов.

— К соседнему объекту. Право доступа зарегистрировано давно, но в последние годы проездом фактически не пользовались. Сейчас собственнику снова нужен автомобильный доступ.

Лиза перевела взгляд на сад.

— Через мой участок?

— Через его часть.

— Покажите.

Он протянул ей копию плана.

Лиза спустилась во двор, положила лист на капот машины и прижала угол ладонью. На схеме была старая конфигурация участков, поверх которой проходила более поздняя линия.

Максим встал рядом, но не слишком близко, и указал на неё.

— Проезд выходит с Кузнечного переулка, идёт вдоль этой границы и дальше к соседнему объекту.

Лиза посмотрела на бумагу, потом на двор и снова вернулась к плану.

— Так он не проходил.

— Что именно не сходится?

Она подошла ближе к яблоне, оглядела линию забора, хозяйственные постройки и дорожки, расходившиеся от крыльца.

— Если перенести эту схему буквально, дорога разрежет двор почти пополам.

— При нынешней планировке — да.

— И, судя по двору, не только при нынешней.

Максим остался на дорожке и посмотрел не на Лизу, а туда, куда она показывала.

Она указала на яблоню.

— Начнём хотя бы с дерева. Оно старое.

— Насколько старое?

— По одному стволу я вам сейчас дату посадки не назову.

— Я и не прошу. Но без даты дерево пока доказывает только то, что оно здесь давно.

Лиза посмотрела на него. Возразить было нечего, и это раздражало чуть сильнее, чем если бы он просто спорил.

— И дело не только в дереве. Посмотрите на постройки, на старые ворота, на то, как вообще организован двор. Если здесь долго существовал регулярный проезд для транспорта, пространство должно было с ним считаться. А эта линия идёт поверх уже сложившейся структуры.

Максим снова сверился с планом.

— Структура могла сложиться позже, когда проездом перестали пользоваться.

— Могла.

— Либо схема действительно неточная. Пока обе версии возможны.

Лиза ожидала, что он будет защищать документ, и не сразу поняла, что он только что допустил ошибку в позиции собственного клиента.

— На что именно вы обратили внимание первым? — спросил Максим.

Лиза ещё раз оглядела двор.

— На всё вместе. Дерево, ворота, хозяйственную часть, направление дорожек. Каждую вещь по отдельности можно объяснить поздней переделкой. Но когда они складываются в одну систему, хочется проверить, откуда вообще взялась эта линия.

— Вот с этим я согласен. Проверить нужно.

— А утверждать, что схема неправильная, пока рано?

— Именно. Мне нужен факт, который можно привязать ко времени.

— Это я понимаю.

Максим посмотрел на неё внимательнее.

— Вы работаете с историческими объектами?

— С историческими зданиями.

— Тогда мы, по крайней мере, одинаково относимся к слову «доказать». Я не предлагаю вам сегодня согласовывать линию проезда. Нужно пройти участок при нормальном свете и поднять более ранние материалы. Если нынешняя схема не соответствует старой планировке, лучше выяснить это до того, как начнут обсуждать конкретный способ доступа.

— То есть завтра через сад никто не поедет?

— Нет. До проверки речь только о документах.

— Тогда начнём с документов.

— Именно это я и предлагаю.

Лиза вернулась к плану.

— Что у вас есть из старых материалов?

— Несколько планов, выписки и документы по предыдущему оформлению доступа. Комплект неполный.

— Принесите всё, что есть.

— Я могу быть здесь в девять.

— В девять подходит.

Он забрал один лист, другой оставил на капоте.

— Это копия для вас.

Лиза ещё раз посмотрела на схему.

— А соседний объект что собой представляет?

— Бывший хозяйственный корпус за вашим участком. Сейчас у него другой собственник. Завтра покажу по документам, чтобы не пересказывать по памяти то, что можно увидеть на плане.

Лиза выпрямилась и потёрла ладонью поясницу — только сейчас почувствовала, сколько времени простояла, склонившись над капотом.

— Вы всегда отвечаете ровно на то, что спросили?

— Стараюсь. Иначе потом приходится спорить уже не о документе, а о том, кто что имел в виду.

— Полезная привычка.

— В моей работе помогает.

Он убрал бумаги в папку.

— Тогда до завтра, Елизавета Сергеевна.

— До завтра.

Максим вышел за калитку и пошёл по переулку.

Лиза осталась возле машины.

В соседнем доме зажёгся свет. За забором ребёнка звали ужинать. По улице медленно проехала машина, колёса мягко прошуршали по влажному краю дороги.

Лиза снова развернула план.

На бумаге линия выглядела совершенно безобидно — несколько сантиметров от одной границы участка до другой. Во дворе на её месте стояли старая яблоня, сирень, дорожка и угол хозяйственной постройки.

Лиза вернулась на кухню, положила план рядом с блокнотом и дописала под строкой «Три недели»:

4 сентября, 9:00. Воронцов. Проезд.

Поднять ранние планы участка.

В телефоне по-прежнему стояла задача:

Риелтор — до понедельника.

Лиза посмотрела на неё, потом на лежащую перед собой схему.

Срок она не удалила.

Только перенесла на вторник.

Глава 2. Документ против двора

К девяти Лиза успела выпить половину кофе и ещё раз пройти участок от калитки до хозяйственных построек.

За ночь трава отсырела, и носки кроссовок уже потемнели от воды. Вчерашний план лежал на садовом столе рядом с блокнотом и рулеткой. Лиза снова сравнила его с двором — при утреннем свете линия не стала убедительнее, особенно рядом со старой яблоней.

Это ещё не делало схему ошибочной. За сто лет двор мог не раз поменять назначение, границы и внутреннюю логику — Лиза слишком хорошо это знала.

У забора сохранились широкие старые ворота. Ими давно не пользовались: одна створка просела, с внутренней стороны проход перекрывала более новая деревянная секция, а вдоль досок разрослась сирень. От ворот в сторону хозяйственных построек угадывалась полоса более плотной земли.

Она могла оказаться чем угодно — остатком дорожки, местом, где чаще ходили, старым подсыпным основанием. Но направление было совсем не тем, что на вчерашнем плане.

Когда открылась калитка, Лиза посмотрела на телефон.

Девять ровно.

— Доброе утро, — сказал Максим.

Сегодня папка у него была заметно толще. Максим остановился у дорожки и посмотрел на вещи, разложенные на столе.

— Вы уже успели что-то найти?

— Ещё несколько причин не верить вашей линии.

— Тогда показывайте.

Лиза подвела его к старым воротам.

— Вчера мы смотрели в основном от дома. А если на минуту забыть про схему и посмотреть только на двор, въезд отсюда кажется гораздо логичнее.

Максим оглядел ворота, расстояние до дома и хозяйственные постройки.

— Из-за направления?

— В том числе. Если въезжать здесь, не нужно пересекать пространство перед домом. Дальше можно идти вдоль хозяйственной части. А по вашей схеме транспорт зачем-то смещается почти к жилой зоне.

Максим достал план и развернул его.

— Это имело бы значение, если бы мы знали, что ворота стояли здесь во время оформления проезда и служили именно для въезда. Пока мы не подтвердили ни того ни другого.

— Я и не утверждаю, что уже доказала это.

Он посмотрел на неё поверх листа.

— Вчера вы были увереннее.

— Вчера вы пришли ко мне в первый вечер и сообщили, что собственнику нужен автомобильный доступ через мой сад. Это немного меняет настроение разговора.

— Я понимаю, — сказал Максим. — Но от настроения зарегистрированное право не исчезнет. Нам нужно проверить точность схемы.

Вместо ответа Лиза присела возле внутренней стороны ворот и отодвинула траву. Нижняя часть старого столба потемнела от времени, а деревянная секция, которой перекрыли проход, крепилась гораздо более новым металлом.

— Перекрытие появилось позже ворот. Насколько позже, отсюда не определить, но последовательность понятна.

Максим подошёл ближе.

— С этим согласен. Сначала были ворота, потом проход перекрыли. Вопрос в том, что происходило между этими двумя событиями.

Лиза выпрямилась.

— То есть вам мало того, что направление двора не совпадает со схемой?

— Проверить — хватит. Объявлять схему ошибочной — пока рано. Мне нужно знать, какой была планировка раньше.

Именно так она сама разговаривала с заказчиками, когда те по одному старому слою краски пытались восстановить историю целой комнаты.

Они пошли дальше.

Возле яблони Лиза разложила рулетку по траве, сверяясь с масштабом плана.

— Если схема точная, проезд должен проходить здесь.

Максим посмотрел на рулетку, потом на яблоню.

— По ширине автомобиль пройдёт.

— Впритык к дереву. И это если не учитывать, что машине нужно ещё повернуть.

— Дерево могло вырасти уже после того, как проезд перестали использовать.

— Могло, — согласилась Лиза. — Поэтому я и хочу найти старые планы.

Он подошёл к стволу, поднял голову к кроне.

— Вчера вы сказали, что не сможете определить её возраст на глаз.

— И сегодня не смогу. Но дерево — не единственная деталь.

Лиза показала на дорожку, которая шла от крыльца к хозяйственным постройкам под другим углом. По её краю местами сохранился ряд тёмных камней, почти ушедших в землю.

Она присела и отодвинула траву с одного из них.

— Вот это тоже надо смотреть.

— Что это?

— Пока не знаю. Возможно, старая граница дорожки или основание. Я не хочу придумывать объяснение только потому, что оно подходит моей версии.

Максим чуть кивнул. Лиза поднялась.

От дорожки они прошли дальше к хозяйственным постройкам. Лиза показывала, где существующие проходы расходятся с линией на плане; Максим не спорил с тем, что она видела, но всякий раз спрашивал, когда это появилось. У ворот последовательность переделок просматривалась, а точной даты не давала ни одна деталь.

К концу осмотра Лиза начала раздражаться уже не на него, а на отсутствие ответа.

— Значит, нужна дата.

— Нужна хотя бы одна независимая точка во времени: старый план, фотография, обмеры — что-нибудь, что можно нормально датировать.

Лиза потянулась за кружкой. Кофе успел остыть.

— Фотография двора столетней давности устроит?

— Даже не обязательно столетней.

Лиза поставила кружку обратно.

Он достал из папки несколько копий и разложил их на столе.

Самый старый лист оказался серым от многократного копирования. Несколько линий расплылись, часть цифр почти не читалась.

Лиза наклонилась ближе.

— Откуда это?

— Из материалов предыдущего оформления участка. Другой копии пока нет. Я запросил архивные данные по исходному документу, но ответа ещё не получил.

Лиза провела пальцем над линией, не касаясь бумаги.

Проезд здесь уже был обозначен, но невозможно понять, перенесли ли его с более раннего плана или нанесли при позднем оформлении.

— Вот этого я и боялась. Мы видим конечную схему и не знаем, откуда она взялась.

— Поэтому я не предлагаю считать её окончательным ответом.

Лиза подняла голову.

— Ваш клиент знает, что вы проверяете документ, на котором строится его позиция?

— Знает. Клиенту нужен доступ к объекту. Если основание слабое, лучше выяснить это сейчас, пока спор не зашёл дальше.

Лиза отодвинула копию.

— Я могу разобраться с переделками на самом участке, но не знаю, где у вас искать ранние документы по каждому двору. Нам нужен местный специалист.

— Я как раз хотел предложить Галину Аркадьевну Сафонову.

Имя Лизе ничего не сказало.

— Кто она?

— Архитектор-реставратор. Давно работает с исторической застройкой города и района, занималась обмерами, охранной документацией, старыми планами. Если ранние материалы по этому участку сохранились, она скорее поймёт, где их искать. А если нет — сможет оценить сами изменения на месте.

— Она связана с вашим клиентом? Или с вами?

— Ни с одним из нас.

— И вы уверены, что она будет независима?

Максим, кажется, ожидал этого вопроса.

— Несколько лет назад после её заключения одному из моих клиентов пришлось полностью менять позицию по другому объекту. Она не склонна подгонять вывод под того, кто первым позвонил.

— И после этого вы снова к ней обращаетесь?

— Именно поэтому.

Искать собственного специалиста только ради того, чтобы он считался «её стороной», было бы ещё глупее.

— Пусть посмотрит, — сказала Лиза.

— Сразу оговорим: речь об осмотре исторической планировки. Само по себе её мнение вопрос о праве проезда не решит.

— Я и не собиралась объявлять её арбитром.

Максим достал телефон.

— Позвоню сейчас?

— Звоните.

Он отошёл на пару шагов.

— Галина Аркадьевна, доброе утро. Максим Воронцов.

Он выслушал ответ.

— Нужен ваш взгляд на один старый участок в Мельничной слободе. Есть поздняя схема проезда, которая не очень хорошо совпадает с фактической планировкой двора.

— Кузнечный переулок, семь. Дом Веры Андреевны.

На другом конце что-то сказали. Максим нахмурился.

— Вы его знаете?.. Понял.

— Завтра утром сможете? В десять подойдёт. Договорились.

Максим убрал телефон.

— Она согласна приехать завтра в десять.

— И дом ей знаком.

— Судя по реакции, да. Подробностей она не стала объяснять по телефону.

Лиза повернулась к окнам.

В небольшом городе специалист по старой застройке вполне мог знать дом начала прошлого века. Ничего удивительного в этом не было.

Но любопытство всё равно появилось.

— Значит, завтра в десять, — сказала Лиза.

— Я тоже приеду, — добавил Максим.

Лиза кивнула.

Максим начал собирать документы, но одну из копий оставил на столе.

— Здесь есть отсылка к более раннему описанию участка. Если будете разбирать бумаги Веры, посмотрите. Иногда старые документы остаются у владельцев даже тогда, когда в официальном деле сохранилась только поздняя копия.

Лиза взяла лист.

— Вы сейчас советуете мне искать материалы, которые могут ослабить позицию вашего клиента?

— Я советую вам искать подтверждение вашей версии. Если оно существует, мне всё равно придётся его учитывать.

Лиза сложила лист пополам и положила рядом с блокнотом.

У калитки Максим остановился.

— До завтра, Елизавета Сергеевна.

— До завтра.

Когда он ушёл, Лиза вернулась к столу.

На листах были границы, цифры, обозначения и тонкая линия, о происхождении которой они пока ничего не знали. Во дворе — ворота, яблоня, камни в земле, дорожки и постройки, менявшиеся десятилетиями.

Вчера ей казалось, что этого достаточно.

Теперь ей нужна была дата.

Глава 3. Лизка?

После обеда Лиза поехала в центр за вещами, без которых в доме Веры пока приходилось обходиться.

Список она начала составлять ещё утром: мусорные пакеты, перчатки, средство для стекла, губки, тряпки, удлинитель. Потом добавились мелочи, о которых она вспоминала всякий раз, когда бралась за очередную домашнюю работу. Заказать всё с доставкой было проще, но ждать до вечера не хотелось. После утреннего разговора с Максимом, осмотра участка и старых планов хотелось хоть ненадолго выбраться из Вериного двора.

Машину она оставила у старого центра и пошла пешком. Телефон с картой лежал в кармане, но доставала она его редко. На одном перекрёстке привычно повернула голову в сторону улицы, по которой ходила когда-то, и лишь несколько шагов спустя вспомнила, что ей вообще-то в другую сторону. Пришлось вернуться.

Отдельные повороты она узнавала раньше, чем вспоминала названия улиц. С домами было труднее. Одни исчезли, другие спрятали деревянные стены под сайдингом. На первых этажах открылись аптеки, кофейни, пункты выдачи. Между двумя отреставрированными фасадами стоял дом с пластиковыми окнами и выцветшей вывеской магазина запчастей. Все эти переделки странно соседствовали друг с другом, как будто над каждой улицей работали по отдельности.

В хозяйственном Лиза задержалась дольше, чем рассчитывала. Удлинитель нашёлся не сразу, а у кассы обнаружилось, что всё купленное в одну сумку не помещается. Продавщица дала два пакета. Лиза переложила покупки так, чтобы тяжесть распределилась поровну, и вышла на улицу.

До продуктового оставалось ещё несколько кварталов. На первом из них выяснилось, что распределить тяжесть поровну не означало сделать пакеты легче. Пластиковые ручки впивались в пальцы; Лиза дважды останавливалась, чтобы перехватить их поудобнее.

На Мостовой улица пошла под уклон. Между домами показалась узкая полоска воды.

Лиза замедлила шаг. Вот это она помнила: ещё не видно озера, а уже знаешь, что оно сейчас появится в просвете. Удивительно, сколько всего за прошедшие годы стёрлось, а эта бесполезная уверенность осталась.

— Лизка?

Она не сразу поняла, что обращаются к ней. Обернулась.

У входа в двухэтажное краснокирпичное здание стоял мужчина с большим плоским конвертом под мышкой и потёртым тёмным рюкзаком на плече. Он улыбался, но не двигался с места, словно давал ей возможность узнать его самой.

Лицо было взрослым, почти чужим. Потом Лиза заметила чуть кривой нос, знакомый прищур и то, как он подтянул сползшую лямку рюкзака.

— Миша?

— Я уже начал сомневаться, что ты обернёшься.

Он подошёл ближе. Лиза ещё смотрела на него, пытаясь совместить этого человека с мальчишкой из памяти, когда Михаил заметил пакеты.

— Давай возьму один, пока ручки тебе пальцы не передавили. Далеко ещё?

— До продуктового. Но я донесу.

— Мне пока тоже в ту сторону.

Он протянул руку. Лиза не стала спорить и отдала ему более тяжёлый пакет.

— Спасибо. Только давай без «Лизки».

— Прости. Вырвалось, — сказал он сразу. — Лиза.

Лиза кивнула. До сих пор было странно, что он узнал её сразу, а ей пришлось всматриваться в его лицо.

— А тебя Мишей называть можно?

— Конечно. Я от тебя другого и не ждал.

Они пошли вниз по Мостовой. Михаил нёс пакет свободно, но идти приходилось небыстро: второй Лиза всё ещё перекладывала из руки в руку.

— Давно приехала? — спросил он.

— Вчера после обеда. Планирую недели три, если всё получится. Нужно разобрать дом, бумаги, найти риелтора. Потом обратно в Москву.

— За три недели хочешь управиться со всем Вериным хозяйством?

— Пока я не знаю, сколько там всего. Поэтому и говорю: если получится.

— А ты, получается, здесь работаешь? — Лиза оглянулась на краснокирпичное здание.

— Фотоархив. Сначала разбирал отцовские плёнки, потом начал собирать городские снимки. Теперь одним разбором уже не обойтись.

— Сергея Петровича?

— Да. Он умер в девятнадцатом.

Лиза помнила его смутно: широкие плечи, фотоаппарат, ремень через грудь. Возможно, что-то из этого уже подсказали ей старые фотографии, а не собственная память.

— Мне жаль, Миш.

— Спасибо.

Михаил помолчал, поправляя конверт под мышкой.

— После него столько негативов осталось, что я решил: за несколько месяцев разберу. Уже несколько лет разбираю, а конца всё нет. Люди тоже стали приносить свои снимки. На прошлой неделе женщина принесла пакет школьных снимков, которые собиралась выбросить, а среди них оказалась почти полная съёмка городского рынка восьмидесятых. Представляешь, сколько такого пропадает просто потому, что кому-то некуда положить коробку?

— Ты хотя бы успеваешь разбирать то, что приносят?

— Не всё. Но отказать человеку, который уже дошёл до дверей с фотографиями, тоже не получается. Я теперь заранее прошу не приносить всё сразу. Помогает плохо.

— А ты чем занимаешься? — спросил Михаил.

— Историческими интерьерами. Обследования, проекты, сопровождение реставрации. Последнее время больше на объектах, чем за столом.

— Тогда я понимаю, почему Вера оставила тебе дом.

— Ты это откуда знаешь?

— Что дом твой? В городе слышал. А насчёт причины просто подумал. Ты его в детстве очень любила.

Лиза посмотрела вперёд.

— Может быть. Я сама этого почти не помню. А сейчас у меня квартира и работа в Москве. Дом я собираюсь продавать.

— Правда? — Михаил явно удивился. — Я почему-то решил, что ты захочешь его оставить.

— Ты ведь не знаешь, чего я теперь хочу. Мы с тобой с детства не виделись.

Михаил не стал сразу отвечать. Они обошли место, где тротуар сузился возле дома, и снова пошли рядом.

— Ты права. Извини, я не собирался учить тебя, что делать с домом.

— Я понимаю. Просто ты помнишь совсем другую Лизу.

Он кивнул. Больше про продажу не спрашивал.

У перекрёстка они дождались, пока проедет машина. На противоположной стороне женщина держала на коротком поводке собаку и пыталась одной рукой открыть тяжёлую дверь,

не выпуская своих покупок. Михаил поставил Лизин пакет на край скамейки, придержал женщине дверь и забрал пакет обратно. Лиза успела размять онемевшие пальцы.

— А после того лета ты сюда совсем не приезжала? — спросил он, когда они отошли.

— Нет. Мама больше не возила. И с Верой они потом почти перестали общаться. Насколько я знаю, во всяком случае.

— Я не знал.

Михаил взглянул на неё, но ничего не добавил. Некоторое время они шли молча. Лиза заметила, что он по-прежнему держит свой плоский конверт под мышкой так аккуратно, словно боялся погнуть угол.

— Ты хоть что-нибудь помнишь из того июля? — спросил он наконец.

— Если ты про девяносто девятый, то мало.

— Я и сам помню не так уж много. Вернее, кое-что до мелочей, а про другие дни уже не уверен, что это мои воспоминания. Столько раз потом прокручивал.

— Что именно тебя интересует?

— День на пляже. Перед поисками.

Она попыталась представить берег. Солнце, вода, люди. Это подходило к десятку летних дней, не обязательно к тому самому.

— Мы там были вместе?

— Были. Ты и я. И Алиса с нами была.

Лиза узнала имя сразу.

— Твоя сестра.

— Да.

Алиса. Девочка помладше, которая всё время тянулась за старшими. Потом исчезновение, разговоры взрослых, люди у воды. Лиза знала эту историю, но не могла вспомнить лицо девочки так, чтобы поверить себе.

— Кажется, она постоянно за нами ходила, — сказала Лиза. — Хотя я и тут могу путать. Из того времени у меня всё вразнобой.

— Ходила, — ответил Михаил.

До этого он легко говорил об архиве и даже о смерти отца. Теперь улыбка исчезла, взгляд ушёл вперёд.

— Я помню пляж, — продолжила Лиза. — Взрослых. Потом поиски. Кажется, милицию. Мама довольно быстро увела меня.

— Ирина Сергеевна тебя забрала. А я остался.

Лиза посмотрела на него. Он не объяснял, сколько ещё пробыл на берегу, и она не спросила.

— Ты хотел узнать, не видела ли я тогда чего-нибудь?

Михаил поправил лямку рюкзака.

— Хотел. А теперь слышу себя со стороны. Ты вчера приехала, мы случайно встретились, и я уже расспрашиваю тебя об этом.

— Если бы я что-то помнила, я бы сказала.

— Знаю. Не надо специально ничего вытаскивать из памяти ради меня. Если само вспомнится — тогда скажешь. Если нет, значит нет.

Лиза поправила ручки пакета. Ответить было нечего.

До продуктового оставалось немного. Он больше не возвращался к пляжу. Когда Лиза призналась, что не понимает, с какого конца разбирать Верины вещи, Михаил сказал, что человеку, который годами сохраняет чужие коробки, в этом вопросе доверять нельзя.

— С тобой, наверное, опасно даже начинать уборку, — заметила Лиза.

— Особенно если попадутся фотографии. Остановлю весь процесс.

У магазина Михаил отдал ей пакет. Лиза перехватила обе ручки и поставила покупки на землю, чтобы попрощаться.

— Спасибо, что донёс. И вообще… рада была тебя увидеть.

— Я тоже, Лиза. Правда. — Он помедлил. — Если захочешь посмотреть старые фотографии города, заходи. Архив на Мостовой, восемнадцать. Теперь найдёшь.

— Может быть.

— Буду рад.

Она улыбнулась. Михаил поднял руку на прощание и пошёл обратно, придерживая плоский конверт под мышкой.

В продуктовом Лиза некоторое время стояла перед полкой, забыв, за чем пришла. Потом достала телефон со списком, купила необходимое и вернулась к машине.

Пока укладывала покупки в багажник, снова подумала об Алисе. Имя было знакомым, история тоже. Она даже могла представить, как маленькая девочка увязывается за старшими, — только не понимала, помнит ли это или складывает картинку из Михаиловых слов.

До дома Лиза так и не смогла вспомнить её лицо.

Глава 4. Сафонова и Дом Лунёва

В десять ровно хлопнула калитка.

Лиза подняла голову от садового стола. Максим приехал чуть раньше и теперь придерживал ладонью серую копию плана: ветер поднимал её за угол всякий раз, когда он отпускал бумагу.

Галина Аркадьевна Сафонова вошла быстрым шагом, поздоровалась с обоими и прежде, чем сесть, оглядела двор. Её взгляд задержался на старых воротах, яблоне, хозяйственной части участка.

— Показывайте, что у вас есть.

Максим придвинул документы. Сафонова достала карандаш и небольшую линейку, разложила копии по порядку и начала с самой старой. Лиза ждала вопроса о воротах, но Сафонову прежде всего заинтересовала ссылка на документ в нижней части листа.

— Откуда получили эту копию?

Максим объяснил, где получил копию и что ещё успел запросить.

— А документ, на который здесь ссылаются, вам не прислали?

— Пока нет. Запрос уже направлен.

Сафонова вернулась к схеме. Приложила линейку к одной линии, потом к другой, посмотрела на расположение построек и отодвинула лист от себя.

— Здесь сведения разных периодов. Что-то переносили с более ранней основы, что-то добавляли позже. По этой копии нельзя установить, когда появилась именно спорная линия.

— То есть её могли нанести позже? — спросила Лиза.

— Могли. Или точно перенесли с более раннего документа. Пока у нас нет способа отличить одно от другого.

Она прижала лист карандашом и встала.

— Теперь посмотрим, что сохранилось на месте.

У старых ворот Лиза показала более новую секцию, перекрывшую проход, и полосу плотной земли, уходившую в сторону хозяйственных построек. Сафонова остановила её движением руки.

— Подождите. Я сначала сниму, как всё выглядит.

Она сфотографировала столб, крепления и землю вокруг, затем присела возле перекрытия. Мокрая трава цеплялась за край брюк. Сафонова рассмотрела соединение дерева со столбом, поднялась и отошла на несколько шагов, чтобы увидеть ворота целиком.

— Вы считаете, что здесь был въезд?

— Я считаю, что старые ворота появились раньше перекрытия. Насколько раньше — без обследования не скажу. Полоса в земле тоже есть, но чем она была, пока неизвестно.

— Ага. Давайте дальше.

Они пошли к яблоне. Максим нёс копию, придерживая её за два края, и время от времени останавливался, чтобы сверить ориентиры. Лиза показала камни у дорожки, тёмные после ночной сырости, и объяснила, почему предлагаемая линия казалась ей чужой для двора.

Сафонова не спешила отвечать. Она посмотрела на камни, вернулась взглядом к воротам, попросила Максима ещё раз показать линию на плане. Лиза уже собиралась объяснить, где именно, по её мнению, проходила старая дорожка, но остановилась: этого она как раз не знала.

— Что из увиденного вы считаете самым сильным доводом? — спросила Сафонова.

— Совокупность. Линия плохо вписывается в остальную планировку. Если проезд шёл именно здесь, двор потом пришлось существенно перестроить.

— Пришлось?

Лиза посмотрела на план. Изменения двора она видела; причины и даты этих изменений — нет.

— Могли существенно перестроить.

— Вот теперь нормально. А если окажется, что схему составили позже самой перестройки, картина будет уже другой.

— Поэтому нам и нужен исходный документ, — сказал Максим.

— В первую очередь. И что-нибудь независимо датируемое по самому двору: описание, обмеры, старый снимок. Сейчас я вижу несоответствие, но не могу сказать, какая из двух историй возникла первой.

Лиза посмотрела на яблоню.

— Дерево нам совсем не поможет?

— Пока мы не знаем его возраста — нет. И даже тогда придётся выяснять, как оно связано с остальными изменениями.

Они вернулись к садовому столу. Сафонова раскрыла блокнот и просмотрела сделанные фотографии, сопоставляя их с копией. На одном снимке задержалась, приблизила изображение, затем вернула телефон на стол.

— Планировка действительно плохо согласуется с этой линией, — сказала она Максиму. — Проверять её происхождение есть смысл. Но это не заключение о том, где проходил проезд. По имеющимся материалам я такого заключения не дам.

— Я уточню, когда исполнят архивный запрос, — ответил Максим. — Если документ найдётся, сразу перешлю.

— Пришлите. И фотографии двора я пока сохраню, чтобы не восстанавливать всё по памяти.

Когда Максим начал собирать бумаги, Сафонова повернулась к Лизе:

— Вы сказали про поздние переделки так, будто часто с ними работаете. Какая у вас специальность?

— Исторические интерьеры. Я в Москве занимаюсь обследованиями, проектами и сопровождением реставрации.

— Со старой столяркой тоже сталкиваетесь?

— Конечно. Но если вам нужен технолог по дереву, это не я.

— Мне и не нужен технолог.

Максим уехал через несколько минут. Калитка опять не закрылась с первого раза; он вернулся на полшага и прижал створку сильнее.

Лиза взялась убирать со стола чашки, но Сафонова ещё не убрала блокнот.

— В понедельник сможете приехать к восьми пятнадцати на Преображенскую, сорок один?

Лиза поставила чашку обратно.

— В Дом Лунёва? Что там требуется?

— Посмотреть одну дубовую дверь. Объект сейчас реставрируется.

— И что с дверью?

— Не хочу заранее вкладывать вам свою версию. Скажу только, что она слишком хорошо выглядит.

— Обычно на реставрации этого и добиваются.

— В данном случае вопрос как раз в том, что стоит за внешним видом. Остальное лучше увидите сами.

Лиза уже прикидывала, что потребуется для полноценного обследования, но Сафонова словно угадала её вопрос.

— Никаких приборов и заключений на месте я от вас не жду. Сначала просто посмотрите и скажете, что заметили.

— Почему именно я?

— Мне нужен независимый взгляд. Вы не связаны ни с владельцем, ни с подрядчиком. И сегодня несколько раз остановились там, где у вас кончались факты. Это мне подходит.

— Значит, вам нужен мой собственный взгляд, даже если мы не согласимся.

— В особенности тогда.

Лиза кивнула.

— В понедельник к восьми пятнадцати. Я приеду.

Сафонова закрыла блокнот, подняла сумку и направилась к калитке. Уже у выхода она обернулась:

— Я завтра всё равно буду в Доме Лунёва. Если хотите, заезжайте ненадолго. Увидите объект в обычной работе, а в понедельник не придётся искать нужный вход.

— А дверь?

— Дверь оставим до понедельника.

— Тогда завтра просто осмотрюсь.

— Именно.

* * *

На следующий день Лиза проехала нужные ворота и заметила номер дома только в зеркале. Пришлось искать место для разворота.

С улицы Дом Лунёва выглядел почти законченным: каменный первый этаж, деревянный второй, высокие окна. Во дворе впечатление менялось. У стены стояли упаковки с маркировкой, несколько окон закрывала защитная плёнка, через открытую дверь тянулся удлинитель. Двое рабочих заносили внутрь длинную коробку и никак не могли разойтись с человеком, который выносил пустую тару.

Лиза подождала у машины, пока освободится проход. Оглядывая двор, она пыталась понять, где здесь можно идти, не мешая работе, а где каждая остановка заставит кого-нибудь обходить её с грузом.

Сафонова стояла возле крыльца с мужчиной в светлой рубашке.

— Мне не нужен ещё один перенос, — говорил он. — В октябре объект должен открыться.

— Я дату помню, Роман Сергеевич. Но сегодня мы ещё проверяем выполненные работы. Обещать вам, что всё готово, я пока не могу.

— Мне каждый раз говорят, что осталось немного.

— Вот и посмотрим, сколько именно.

Мужчина заметил Лизу, и Сафонова прервала разговор.

— Елизавета Руднева. Роман Сергеевич Баринов, владелец дома.

Баринов пожал Лизе руку.

— Вы тоже по реставрации?

— Да, но сегодня я только знакомлюсь с объектом.

— Понятно. Извините, мне нужно ответить.

Телефон завибрировал у него в руке; Баринов отошёл к воротам, уже на ходу начиная разговор.

— Пойдёмте, — сказала Сафонова. — Здесь долго стоять неудобно.

На пороге под подошвами хрустнула мелкая пыль. Внутри пахло деревом, штукатуркой и свежими отделочными материалами. Пол местами закрывали защитные листы. У стены лежали снятые детали столярки с бумажными бирками; рядом стояли пластиковые ящики с инструментами.

Сафонова пропустила рабочего с коробкой, потом задержалась у снятых деталей. На одной из бирок загнулся угол. Она расправила его, проверила, читается ли пометка, и только

после этого пошла дальше. Рабочий с длинной деревянной деталью терпеливо подождал, пока она освободит проход.

Лиза остановилась у старого наличника. Под поздней краской проступали ещё два слоя, у самого края сохранился небольшой скол. Она наклонилась, стараясь рассмотреть его, не касаясь дерева.

— Смотрите, только не начинайте обследование прямо сейчас, — сказала Сафонова, оглянувшись.

— Я ничего не трогаю.

— Вижу. Но на каждую такую деталь у нас сегодня времени не будет.

Лиза выпрямилась. Ей самой было знакомо это неудобное состояние объекта перед завершением работ: пока одни помещения уже готовили к сдаче, в других всё ещё лежали снятые элементы, а люди с инструментами и коробками постоянно пересекали друг другу путь. Здесь хотелось задержаться возле каждой открытой конструкции. Через месяц почти всё, что сейчас было видно, спрячут под чистовой отделкой.

Из соседнего помещения вышел рабочий с рулоном плёнки. Они со Сафоновой прижались к стене, пропуская его. За дверью кто-то спрашивал, куда перенести пустые ящики, и ответа пришлось подождать: через коридор как раз тащили очередную упаковку.

Сафонова не стала перекрикивать рабочих. Дождалась, пока они пройдут, и повела Лизу к служебному крылу.

У заднего входа она указала на дверь:

— Завтра заходите здесь. За дверью коридор, дальше лестница. Так вы не будете блуждать по всему дому с утра.

Лиза заглянула внутрь. Узкий коридор уходил к лестнице; в глубине горел рабочий свет.

— Нужная дверь наверху?

— Да.

Лиза сделала шаг к порогу, чтобы лучше увидеть лестницу, но Сафонова осталась на месте.

— Сегодня дальше не пойдём.

— Даже просто дойти до лестницы?

— Это вы увидите завтра. Сегодня мне важно, чтобы вы знали, как попасть внутрь. А дверь я хочу показать вам без предварительных объяснений.

Лиза отступила от порога.

— Поняла. Значит, завтра с утра начнём сразу с неё.

— Сначала с того, что вы сами заметите, — поправила Сафонова. — А потом уже поговорим.

Они вернулись во двор. За время их отсутствия возле стены успели освободить проход, но на его месте поставили ещё одну коробку. Рабочий с тележкой ждал, пока решат, куда её убрать.

Баринов разговаривал с плотным, подвижным мужчиной в рабочей куртке поверх рубашки. Тот слушал владельца, но взгляд то и дело возвращался к разгрузке.

— Вадим Корнеев, — представил Баринов. — Руководитель подрядчика.

Корнеев поздоровался с Лизой и тут же отступил, пропуская тележку. На чей-то вопрос у стены ответил, что коробку пока нужно отставить с прохода, и снова повернулся к Сафоновой.

— По второму этажу сегодня идёте по плану? — спросила она.

— Пока да. Закончим с разгрузкой, тогда там можно будет нормально работать.

— И очень прошу, чтобы так осталось, — сказал Баринов.

— Я тоже, Роман Сергеевич. Но через коробки люди не пройдут, как бы мы ни торопились.

Баринов посмотрел в сторону ворот. Корнеев уже повернулся к дому.

— Кирилл где? — спросил Баринов.

— Наверху был. Кирилл! — позвал Корнеев.

Из дома вышел мужчина с папкой под мышкой. По дороге его остановил рабочий; Кирилл сверился с маркировкой коробки, указал, куда её нести, и только после этого подошёл.

— Галина Аркадьевна?

— Кирилл Савельев, архитектор проекта. Это Елизавета Руднева.

Они поздоровались. Кирилл придержал папку, чтобы освободить руку.

— Кирилл, мне к завтрашнему утру нужен исходный акт по одной из дубовых дверей второго этажа, — сказала Сафонова и уточнила, по какой именно.

— Там всё есть в отчёте. Мы оттуда и переносили данные.

— Отчёт я уже видела. Мне нужен документ, с которого вы их переносили, а не повторение тех же сведений.

Кирилл поправил папку под мышкой.

— Посмотрю, где он. К утру подготовлю.

— Спасибо. Я хочу сравнить оба документа, прежде чем делать выводы.

Корнеев, всё это время слушавший вполуха, повернулся к ней.

— С документами проблема?

— Если будет, вы узнаете.

Кирилл раскрыл папку и сделал пометку. Сафонова больше не задавала ему вопросов.

— Кирилл Олегович! — окликнули со стороны ворот.

Во двор вошёл молодой доставщик с несколькими матовыми чернильно-синими пакетами и картонным держателем со стаканами. На пакетах белели крупные силуэты чаек, бумажные ручки были охристо-жёлтыми, кручёными. Лиза машинально посмотрела на упаковку: неожиданно нарядная для еды, которую привезли на рабочий объект.

— Всё здесь оставлять? — спросил парень у Кирилла, направляясь к свободному столу возле стены.

— Да, спасибо.

Он поставил пакеты и стаканы и почти сразу ушёл. Рабочие стали подходить к столу, одновременно продолжая обсуждать, что ещё нужно перенести. Баринов снова говорил по телефону. Кирилл вернулся в дом с папкой, Корнеева позвали от разгрузки.

Сафонова подошла к Лизе.

— На сегодня достаточно. Завтра мы с вами спокойно посмотрим дверь.

Они пошли к машине. По дороге Лиза ещё раз уточнила:

— Вы хотите, чтобы я просто сказала, что вижу, без ваших материалов?

— Сначала да. Если ваши наблюдения совпадут с моими, это будет одно. Если не совпадут — мне тем более важно понять почему. Потом уже откроем документы.

— Тогда до утра.

— До восьми пятнадцати, — уточнила Сафонова и вернулась во двор: её снова окликнули от крыльца.

Лиза положила сумку на соседнее сиденье. Пока она устраивалась за рулём, Кирилл выехал со двора на складном велосипеде и свернул за ворота.

Завтра утром она наконец увидит эту дверь.

Глава 5. Утро

В понедельник во дворе Дома Лунёва было пусто.

Лиза закрыла машину и посмотрела на телефон.

08:14.

Вчера здесь одновременно разгружали коробки, спорили о сроках, носили еду рабочим и звали кого-то с верхнего этажа. Сейчас ничего этого не было.

В этом и был смысл ранней встречи: посмотреть всё до обычной рабочей суеты.

Лиза рассчитывала быстро закончить с осмотром и наконец вернуться к своим делам. Верин дом за последние четыре дня никуда не делся, бумаги тоже. На завтра всё ещё был запланирован риелтор.

У служебного входа Лиза постучала и подождала.

Никто не ответил.

Она постучала ещё раз, потом нажала на ручку.

Дверь открылась.

Внутри пахло так же, как вчера: пылью, деревом, штукатуркой. Только без голосов и шагов запах ощущался сильнее.

— Галина Аркадьевна?

Ответа не было.

Лиза вошла и прикрыла за собой дверь.

На скамье в тамбуре стоял чернильно-синий пакет с белой чайкой. Вчера доставщик приносил такие же. Видимо, один не убрали.

Этот коридор она уже видела вчера от заднего входа.

— Галина Аркадьевна?

Голос прошёл по пустому коридору и вернулся слабым эхом.

Лиза пошла дальше.

До лестницы всё выглядело обычным: защитное покрытие на полу, строительная пыль у стены, оставленный рабочий свет.

Сначала Лиза увидела лежащую внизу деревянную секцию.

Подняла глаза.

В ограждении верхней площадки был открытый промежуток.

И только после этого заметила Сафонову.

Она лежала у нижней площадки лестницы.

Лиза остановилась.

— Галина Аркадьевна?

Никакого движения.

Она сделала шаг вперёд.

— Галина Аркадьевна!

Тишина.

Лиза достала телефон. Несколько секунд ушло на то, чтобы попасть по нужным цифрам и набрать 112.

— Преображенская, сорок один. Дом Лунёва. Женщина лежит у лестницы. Не отвечает.

Её попросили повторить адрес.

Лиза повторила.

Дальше пошли вопросы. Кто она. Где находится пострадавшая. Есть ли рядом кто-нибудь ещё.

— Я одна. Она лежит у нижней площадки. Рядом часть ограждения.

— Вы можете подойти к ней безопасно?

Лиза посмотрела на лежащую рядом секцию.

— Не уверена.

Ей сказали не приближаться, если она считает это небезопасным, и ничего не трогать. Помощь уже направили.

— Хорошо.

Она объяснила, что вход со двора, и только после этого закончила разговор.

Самым трудным оказалось остаться на месте.

Она привыкла действовать иначе: подойти, посмотреть, проверить. Если что-то неясно — сменить точку, включить фонарь, приблизиться настолько, насколько нужно.

Она машинально подалась вперёд и остановилась.

С того места, где Лиза стояла, было видно: Сафонова не шевелилась.

Вчера они дошли только до этого коридора. Сафонова показала на лестницу и не пустила её дальше.

Тогда замечание про её серьёзный подход прозвучало почти шуткой. Сейчас тот короткий разговор вспомнился совсем некстати.

Большим пальцем она начала крутить кольцо на правой руке и сразу отпустила его.

С улицы донёсся звук проехавшей машины.

Где-то рядом хлопнула дверь.

Лиза снова посмотрела на лежащую секцию ограждения.

Сафонова могла упасть с верхней площадки, если старое ограждение не выдержало.

Крепление могло расшататься давно. На объектах Лиза не раз видела конструкции, которые с виду казались прочными, а на деле едва держались.

Лиза подняла взгляд к открытому краю верхней площадки. Её смущало место, откуда выпала секция.

Она чуть сместилась, не приближаясь к лестнице.

При таком срыве она ожидала увидеть повреждённое дерево — трещину, расщеплённые волокна, рваный край.

Ничего такого отсюда Лиза рассмотреть не смогла.

Это могло ничего не значить. Повреждение могло оказаться с другой стороны, а отсюда она видела слишком мало, чтобы делать выводы.

Лизе захотелось подойти ближе, но она осталась на месте.

Сначала факт. Объяснение потом.

Сафонова лежала у лестницы. Рядом — секция ограждения. Больше Лиза пока не знала ничего.

Лиза посмотрела на экран телефона и убрала его.

Прошло всего несколько минут, хотя казалось, что она стоит здесь гораздо дольше.

Лиза отвернулась от Сафоновой и посмотрела в сторону входа.

Хотелось услышать хоть чьи-то шаги.

Никто не входил.

Она не знала, что произошло. Не знала, когда Сафонова пришла сюда и была ли одна. Не знала даже, сколько времени прошло с момента падения.

Придумывать остальное было нельзя.

С улицы донёсся звук сирены.

Сначала почти неслышная, потом ближе.

Лиза снова посмотрела наверх.

Потом на лежащую секцию.

И заставила себя отвернуться.

Во дворе хлопнула автомобильная дверь.

Послышались голоса.

Лиза отступила к стене, освобождая проход.

Глава 6. Несчастный случай?

Первыми в коридор вошли медики.

Лизу попросили выйти во двор и оставаться поблизости. Она вернулась через служебную дверь и встала у стены, освобождая проход. Во дворе уже стояли две машины. Один сотрудник говорил по рации, другой натягивал перчатки. Ещё одну машину, притормозившую у ворот, попросили проехать дальше.

За оградой шла обычная утренняя жизнь. Со стороны Преображенской донёсся автобус, где-то хлопнула дверца фургона. Лиза смотрела на вход, через который вчера рабочие таскали коробки и выходили за едой. Сегодня оттуда появлялись люди в перчатках и проходили мимо неё, не задерживаясь.

Женщина из бригады скорой вышла во двор, тихо сказала что-то сотруднику. Тот кивнул и сделал запись. Лиза не расслышала слов, но всё равно отвернулась.

— Елизавета Сергеевна Руднева?

Перед ней остановилась женщина лет сорока с небольшим, в тёмной куртке, с тонкой папкой в руке. Она представилась Марией Валерьевной Костиной, следователем межрайонного следственного отдела Следственного комитета, и показала удостоверение.

— Вы обнаружили Галину Аркадьевну Сафонову?

— Да.

— Мне нужно восстановить ваши действия с момента приезда. Отойдём чуть в сторону, здесь мешаем проходу.

Они переместились ближе к воротам. Отсюда служебная дверь оставалась видна, но разговор сотрудников у входа уже не был слышен.

— Во сколько вы приехали?

— В восемь четырнадцать. Посмотрела время возле машины. С Галиной Аркадьевной договаривались на восемь пятнадцать.

Костина открыла папку.

— Почему вошли через служебную дверь?

— Она сама показала её мне вчера. Я постучала дважды, никто не ответил. Дверь была закрыта, но не заперта. Я нажала на ручку и вошла.

— Прикрыли за собой?

— Да.

— Дальше расскажите без пропусков. Даже если вам кажется, что какая-то мелочь неважна.

Лиза начала с коридора. Сначала позвала Сафонову, потом пошла к лестнице. Увидела лежащую секцию ограждения, подняла глаза на промежуток вверху и только после этого заметила женщину у нижней площадки.

Пришлось рассказать ещё раз, где именно она остановилась. Костина уточняла не торопясь, и Лиза поймала себя на том, что снова мысленно проходит этот коридор — от двери до лестницы, — хотя стояла теперь во дворе.

— К телу погибшей вы подходили?

Слово «погибшей» Костина произнесла без нажима. Лиза посмотрела на служебный вход.

— Сделала шаг, когда увидела её. Потом позвонила в 112. Диспетчер спросил, могу ли подойти безопасно. Я сказала, что не уверена, и мне велели оставаться на месте и ничего не трогать.

— Сафоновой не касались? Не пытались сдвинуть секцию?

— Нет. Я вообще ничего внутри не трогала, кроме ручки входной двери. Ни лестницу, ни ограждение, ни её вещи.

Костина записала ответ, потом подняла голову.

— Диспетчеру вы сообщили про секцию ограждения. Что именно вас насторожило?

— Сначала ничего. Она лежала рядом с Сафоновой, наверху не хватало части ограждения. Я подумала, что Сафонова облокотилась на него, крепление не выдержало и она упала. Но тогда дерево должно было повредиться.

— В каком месте?

— Возле крепления. При силовом вырыве обычно остаются трещины, расщеплённые волокна, рваный край. Снизу я такого не увидела.

— Значит, повреждений нет?

— Нет, этого я сказать не могу. Я стояла далеко. Они могли быть с другой стороны или выше, вне моего обзора. Я говорю только о том, что смогла рассмотреть.

Мимо них прошёл сотрудник, направляясь к воротам. Костина на время замолчала, пропуская его, и Лиза неожиданно обрадовалась короткой паузе. За последние минуты она столько раз повторила, что ничего не трогала, что сама начала прислушиваться к каждому слову, как к чужому показанию.

— Вы реставратор? — спросила Костина, когда снова открыла папку.

— Работаю с историческими интерьерами. Обследую их, занимаюсь реставрационными проектами и сопровождением работ.

— То есть замечание об ограждении основано на вашей профессиональной практике. А вчера вы его видели?

— Лестницу видела. До неё дошли с Сафоновой, но наверх она меня не пустила. Само ограждение я специально не рассматривала. В каком состоянии оно было вчера, не знаю.

Костина не стала просить её вспомнить больше.

— Зачем вы должны были встретиться сегодня?

— Галина Аркадьевна хотела показать мне дубовую дверь на втором этаже.

— Что с ней не так?

— Я не знаю. Она сказала, что дверь слишком хорошо выглядит. Попросила сначала посмотреть самой, без её объяснений.

— Вы эту дверь видели? Вчера или сегодня?

— Нет. Вчера она показала только, куда мне прийти. Сегодня я до второго этажа не дошла.

Следователь сделала несколько пометок, придерживая страницы пальцем, чтобы их не переворачивал ветер.

— Вы знаете, кто ещё был предупреждён об утренней встрече?

— При мне она никому не говорила, что я приеду. Но вчера потребовала у архитектора проекта, Кирилла Савельева, исходный акт по одной из дубовых дверей второго этажа. К утру.

— Именно по той, которую собиралась показать вам?

— Я так предположила. Она этого прямо не сказала.

— Кто присутствовал при разговоре?

— Вадим Корнеев, руководитель подрядчика, стоял рядом. Роман Баринов, владелец дома, был во дворе. Слышал ли он про акт, не знаю.

— За эти два дня вы замечали у Сафоновой конфликты с кем-нибудь из них?

— Я знала её всего два дня.

— Мне нужны только эти два дня.

Лиза вспомнила воскресный двор: Баринов торопил с открытием, Корнеев спорил по работе, Кирилл держал папку и уверял, что документы уже есть в отчёте.

— Разговоры были жёсткие. С Бариновым — из-за сроков, с Корнеевым — по поводу работ. Савельеву она велела найти акт, хотя он говорил, что всё есть в отчёте. Но я не могу назвать это чем-то, кроме рабочих споров.

Костина записала фамилии.

К служебной двери подошёл сотрудник и негромко позвал следователя. Она отошла к нему. Лиза осталась возле ворот и снова увидела место, где стояла, когда приехала. Тогда здесь не было ни одной машины, а она собиралась посмотреть дверь и уехать к своим делам.

Костина вернулась довольно скоро.

— Ещё уточню. Вы вчера видели у Сафоновой телефон?

— Не помню.

— А сегодня, когда нашли её? В руках, рядом, на полу?

— Нет, не заметила.

— Сумка и кошелёк на месте. Телефона среди вещей пока нет.

Лиза не сразу ответила.

— Его могли забрать?

— Могли. Но сначала нужно установить, где он был. Она могла оставить его в другом помещении или машине. Отсутствие телефона само по себе ещё ни о чём не говорит.

Лиза кивнула. Телефона пока не нашли — это было всё, что она знала.

— Мне нужно ещё оставаться здесь?

— Пока да. Может понадобиться уточнить ваши слова.

Костина ушла к служебному входу, а Лиза вернулась к машине. За воротами собирались рабочие, пытавшиеся узнать, пустят ли их сегодня на объект. Мужчина в рабочей куртке несколько раз отвечал на звонки одним и тем же: он сам ничего не знает. Внутрь никого не пропускали.

Лиза села боком на пассажирское сиденье, оставив дверь открытой. Стоять больше не хотелось, а закрыться в машине было почему-то ещё труднее. Она смотрела на людей за воротами, стараясь не возвращаться мысленно к лестнице.

Телефон зазвонил.

На экране высветилось: Максим Воронцов.

— Да.

— Добрый день, Елизавета Сергеевна. Вы можете сейчас говорить?

— Недолго.

— Я звоню по поводу Галины Аркадьевны. Мы договаривались, что после утренней встречи она вернётся к вопросу проезда через Кузнечный. Я не могу до неё дозвониться.

— Не дозвонитесь. Галина Аркадьевна умерла.

Пауза оказалась длиннее, чем Лиза ожидала.

— Сегодня? — спросил Максим.

— Да. Я нашла её утром. Сейчас я в Доме Лунёва, здесь работают сотрудники.

— Тогда вопрос проезда пока отложим. Никаких новых решений я принимать не буду.

Лиза убрала ноги внутрь машины, но дверь не закрыла.

— Почему?

— Проверка участка не закончена. И теперь у нас нет мнения Сафоновой, на которое мы рассчитывали. Прежде чем что-либо предпринимать, нужно получить другое независимое заключение.

— А архивный запрос?

— Остаётся в работе. Но никаких решений по трассе до независимой проверки я принимать не буду. Если следствию понадобятся мои разговоры с Галиной Аркадьевной или документы по участку, сообщите, пожалуйста, что я готов их предоставить.

— Передам, если спросят.

— До связи, Елизавета Сергеевна.

— До связи.

Лиза опустила телефон на сиденье.

Четыре дня назад Максим принёс ей бумаги о проезде через сад. Лиза была готова снова услышать о правах его клиента. Вместо этого он сам предложил остановиться, хотя никто его не просил.

Костина вернулась, когда Лиза уже собиралась выйти из машины.

— На сегодня от вас достаточно. Если возникнут вопросы, я позвоню.

— Значит, могу ехать?

— Да.

Лиза взялась за дверцу.

— Мария Валерьевна, телефон так и не нашли?

— Пока нет.

Она почти закрыла дверь, но посмотрела в сторону служебного входа.

— А если ограждение действительно не вырвало при падении…

Лиза не договорила. Костина проследила за её взглядом.

— Тогда будем выяснять, почему оно оказалось внизу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.